

Текст · 2 февраля 2021, 14:20
Олег Зурман, Давид Френкель,

«Я нанес ему смертельную обиду тем, что выжил». Выступление Алексея Навального в суде по замене ему срока на реальный

Меня хорошо слышно? Я хотел бы начать с обсуждения правового вопроса, который мне кажется главным и немножко упущенным из этого обсуждения. Потому что выглядит все немножко странновато. Знаете, вот сидят двое, и один из них говорит: «А давайте посадим Навального за то, что он являлся не по понедельникам, а по четвергам». Второй говорит: «Давайте посадим Навального за то, что он, выйдя из комы, немедленно не приехал к нам в инспекцию». И идет это обсуждение, обсуждают понедельники, четверги, когда кто должен был отправить какую бумажку и так далее.

Embed Wrapper Not Realised

Embed Wrapper Not Realised

Embed Comment Not Realised

Но я хотел бы сказать пару слов о таком небольшом слоне в этой комнате. Я хотел бы, чтобы все еще раз обратили, вся пресса, которая пишет про этот процесс, все люди обратили внимание на то, что суть дела заключается в том, чтобы меня посадить по делу, по которому я уже был признан невиновным. И по делу, которое уже признано сфабрикованным. Это не мое мнение. Потому что если мы откроем любой учебник уголовного права — я надеюсь, ваша честь, вы пару раз в своей жизни это делали — то увидите,

что ЕСПЧ является частью судебной системы России в том числе, коль уж Россия является членом Совета Европы. И эти решения обязательны. И я, пройдя все необходимые стадии судебного процесса, обратился в Европейский суд. Европейский суд вынес решение, в котором черным по белому написал, что даже состава преступления нет. Соответственно, дело, по которому я нахожусь здесь почему-то, в этой странной клетке — оно полностью сфабриковано.

Мало того, Российская Федерация в общем-то признала это решение, половинчато. Мне даже выписали компенсацию по этому делу, тем самым признав решение ЕСПЧ. Несмотря на это, мой брат три с половиной года отсидел в тюрьме по этому делу, которое, еще раз, было признано сфабрикованным решением суда, которое обязательно здесь на территории России. Я по этому делу просидел год под домашним арестом. Когда мой срок вот этот испытательный заканчивался, меня за неделю до этого арестовали, привезли в Симоновский суд и без защиты, всучив какого-то адвоката по назначению, продлили мне еще на год испытательный срок.

Давайте немножко математики. В 2014 году меня осудили, дали мне три с половиной года, дали испытательный срок. А сейчас 2021 год, меня все равно продолжают судить по этому делу. Меня уже и невиновным признали по этому делу, и состава преступления по этому делу нет, и все равно, с упорством маньяка наше государство требует посадить меня по этому делу. Почему же по этому делу? Ну, на самом деле, уже чего-чего, а недостатков уголовных дел в отношении меня точно нету, да. Еще

одно совершенно недавно запустили. Тем не менее, кому-то очень хотелось, чтобы я ни одного шага ни сделал по территории нашей страны, вернувшись — как свободный человек. Поэтому с момента пересечения границы я оказался арестантом.

И мы знаем кому, мы знаем, почему это случилось. Причина этого всего — ненависть и страх одного человека, живущего в бункере, потому что я нанес ему смертельную обиду тем, что я просто выжил после того, как меня пытались убить по его приказу.

Прокурор пытается сделать замечание Навальному.

Мне не нужно ваших замечаний. Ваша честь! Еще раз! Мне теперь этот прокурор будет мешать говорить свое отношение ко всему, что происходит?

После небольшой перепалки с прокурором судья просит Навального говорить по сути представления ФСИН.

Я говорю по представлению. Это мое мнение, и я свое мнение относительно представления высказываю в полном соответствии с законом. И то, что представитель обвинения пытается меня перебивать, закрывать на каждом слове мне рот, тоже отлично характеризует все происходящее здесь.

Ну так вот, продолжим. Я нанес смертельную обиду тем, что я выжил, благодаря хорошим людям — пилотам и врачам. Потом еще сильнее его обидел тем, что выжил — я не спрятался, живя где-то под охраной или в каком-то бункере поменьше, который я мог бы себе позволить. А потом случилось вообще страшное. Мало того, что я выжил, что я не испугался,

не спрятался, я участвовал еще в расследовании своего собственного отравления. И мы показали и доказали, что именно Путин, используя Федеральную службу безопасности, осуществил это покушение на убийство. И не я один был такой. Сейчас это знают, и многие еще узнают.

И вот это сводит с ума маленького вороватого человечка в его бункере. Именно этот факт — то, что все вскрылось. Нет никаких рейтингов, нет никакой огромной поддержки, ничего этого нет. Потому что выяснилось — для того, чтобы совладать с политическим оппонентом, у которого нет ни телевидения, ни политической партии, нужно просто попытаться убить его химическим оружием. И, конечно, он сходит с ума от этого. Потому что все убедились, что он просто чиновничек, которого случайным образом поставили на президентский пост, который никогда не участвовал ни в дебатах, ни в выборах. И это единственное средство борьбы — пытаться убить людей.

Сколько бы он ни изображал из себя великого геополитика, великого мирового лидера, его обида главная в отношении меня заключается в том, что в историю он войдет именно как отравитель. Вот, знаете, был Александр Освободитель или Ярослав Мудрый, и будет у нас Владимир Отравитель Трусков — вот именно так он войдет в историю.

И это прямое, ваша честь, это же имеет прямое отношение — я здесь стою на этом месте и меня охраняет уже полиция, Росгвардия появилась, половина Москвы оцеплена именно потому, что

маленький человечек в бункере сходит с ума от того, что мы доказали и показали, что он не геополитикой занимается, а проводит совещание, на котором решает, что он требует воровать у оппонентов трусы и мазать их химоружием.

Главное в этом процессе даже не то, чем он закончится для меня: посадят меня или не посадят — посадить, в общем-то, меня не сложно по этому или другому делу. Главное, для чего это происходит — чтобы запугать огромное количество людей. Это же так и работает. Одного сажаем, чтобы испугать миллионы.

У нас 20 миллионов человек за чертой бедности, у нас десятки миллионов живут, не имея ни малейших перспектив, у нас десятки миллионов людей относятся к именно тем, про кого мы каждый день говорим «в Москве-то жизнь еще более менее, а отъедьте за сто километров, там вообще просто полный швах». И вот у нас вся страна живет в этом полном швахе, не имея ни малейших перспектив. Получает 20 тысяч рублей. И они все молчат, и их пытаются заткнуть вот ровно такими показательными процессами. Посадить вот этого, чтобы напугать миллионы. Кто-то вышел на улицу — посадить еще пять человек, чтобы испугать 15 миллионов. И главное, что я хочу сказать: этот процесс, я очень надеюсь, не будет воспринят людьми как сигнал того, что они должны больше бояться.

Это же не демонстрация силы — вот это все, Росгвардия и эта клетка. Это же демонстрация слабости, просто слабости! И миллионы, и сотни тысяч посадить нельзя. И я очень надеюсь, что люди

будут все больше и больше осознавать это. И когда они осознают — а такой момент придет — все это рассыплется, потому что вы не посадите всю страну.

Потому что [вы не посадите] всех этих людей, которых лишили перспектив, лишили будущего, которые живут в богатейшей стране и получают ноль от национальных богатств. Ноль получают все остальные. Мы только по количеству миллиардеров в мире растем, все остальное падает, понимаете.

Я сижу в своей камере и слышу репортажи о том как подорожало масло, подорожали макароны, подорожали яйца. 2021 год, страна — экспортер нефти и газа, у нас вся страна говорит о том, что макароны подорожали, мы жить больше не можем. И вот вы этих людей лишили перспектив, и вы этих людей пытаетесь запугать. И я призываю всех не бояться. Вся эта власть основана ровно на...

Судья Наталья Репникова перебивает его: «Вы не на митинге. Давайте вернемся к представлению».

Не то что вернуться, ваша честь, я уже прямо там нахожусь. Я прямо в центральной части этого нахожусь. Вот, смотрите, вы говорите, что я ничего не сказал по поводу представления. Вот это все представление и есть. И все, что я говорю — это мое отношение к представлению, которое вы устроили. Давайте я непосредственно перейду к представлению.

Бывает такое, когда беззаконие и произвол являются сутью политической системы. И это ужасно. Но бывает еще хуже. Когда беззаконие и произвол наряжают на себя мундир прокурора или судейскую

мантию. И в этом случае долг каждого человека — не подчиняться тем законам, которые обряжены вот в эти мантии, хотя за вами там, внутри вас — это и есть произвол и беззаконие. И долг каждого человека не подчиняться вам, не подчиняться таким законам.

Судья снова перебивает:

— Я призываю вас не давить свою позицию!
У нас сейчас не митинг. Давайте вернемся к представлению.

— Я призываю абсолютно всех... У нас не митинг, у нас мое выступление. Я вернулся, ваша честь. Ваша честь, вы не беспокойтесь, все будет очень хорошо, я вернулся к нашему представлению. Я ровно про наше представление и говорю.

— Вы ничего не сказали про вашу позицию.

— Когда я говорю, не перебивайте меня, пожалуйста, давайте по очереди.

— Потому что давайте мы не будем политикой здесь заниматься.

— Как же мы не можем здесь заниматься политикой?

— Я вас прошу высказать свое мнение по представлению, в рамках которого мы собрались. Попрошу вас, пожалуйста.

— Я высказываю свое мнение.

— Вот скажите мнение.

— У меня сложилось мнение относительно этого представления, и я вам его высказываю. Другого мнения у меня нет, и будьте добры меня выслушать.

Еще раз хочу сказать, что когда произвол и беззаконие, надеюсь ваши мундиры изображают из себя закон, долг каждого честного человека не подчиняться вам и бороться с вами всеми силами. И я, как могу, борюсь и буду продолжать это делать.

Несмотря на то, что сейчас, с учетом того, что, конечно, я оказался полностью под контролем этих людей, которые обожают все намазывать химическим оружием, наверно, за мою жизнь никто не даст и три копейки. Но, тем не менее, даже сейчас, даже со своего места я говорю, что я буду с вами бороться, и призываю всех остальных не бояться вас и делать все, чтобы закон, а не ряженые в мундирах и мантиях восторжествовали.

Я приветствую всех тех, кто борется и кто не боится, всех честных людей. Я приветствую и благодарю сотрудников ФБК^[1], которые сейчас сидят под арестами. Всех остальных по всей стране, кто не боится и выходит на улицы, потому что у них есть такие же права, как у вас. Потому что наша страна принадлежит им в той же самой степени, как и вам, как и всем остальным. Мы такие же граждане, мы требуем нормального правосудия, нормального отношения к нам, участия в выборах, участия в распределении национальных богатств. Да, мы всего этого требуем.

В России сейчас много хороших вещей, а самая хорошая вещь — это вон те самые люди, которые не боятся, которые не опускают глаза, которые не смотрят в стол. И которые никогда не отдадут нашу страну кучке продажных чиновников, которые решили обменять нашу родину на свои дворцы, виноградники и аквадискотеки. Мое мнение заключается в том, что я требую немедленного освобождения, немедленной свободы для себя, для других арестованных. Я не признаю это представление, оно полностью лживо, оно не соответствует закону, и требую немедленного освобождения. Спасибо.

---

1. Российские власти продолжают массово и бессистемно пополнять списки «иностранцев» — туда включают правозащитников, политиков, активистов, журналистов, некоммерческие организации и издания. Закон о СМИ обязывает нас указать, что Фонд борьбы с коррупцией внесен Минюстом в «реестр НКО, выполняющих функции иностранного агента».